

N. F. 1. f. 18. *MS*

Д. О. ВЪЛНЬЕВЪ. *Dmitriy, Fedorovich*

ИСТОРИЯ АЛФАВИТА

И

НОВОЕ МНѢНІЕ

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ГЛАГОЛИЦЫ.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1885.

N. F. 1. f. 18.

По опредѣленію историко - филологическаго факультета печатать
дозволяется. 9 октября 1885 года.

Деканъ Д. Бѣляевъ.

ИСТОРИЯ АЛФАВИТА

И

НОВОЕ МНѢНІЕ

О ПРОИСХОЖДЕНІИ ГЛАГОЛИЦЫ.

Ueber d. Ursprung des glagolitischen Alphabets von Isaak Taylor въ Archiv für Slav. Philologie, hrsg. v. Jagić, Band. V, s. 191.

The Alphabet. An account of the Origine and Developpment of Letters by Isaak Taylor. In two volums. Lond. 1883.

О подложности отрывковъ глаголитскихъ такъ назыв. Реймскаго Евангелія и о ключѣ къ глаголитскому письму, въ «Дополненіи къ Глаголитскому сличительному Четверо-Евангелію», томъ III, Москва, 1883, *Архимандрита Амфилогія*.

Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1883 году, составл. акад. И. В. Ягичемъ. (XXXIII т. Сборника отдѣленія русск. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ).

Къ числу важнѣйшихъ археологическихъ вопросовъ принадлежитъ безъ сомнѣнія вопросъ о происхожденіи письменности вообще и появленіи ея у каждаго отдѣльнаго народа, такъ какъ съ судьбами письменности тѣсно связано историческое значеніе и роль каждаго народа въ ряду другихъ народовъ.

Въ виду интереса и важности вопроса о происхожденіи этого величайшаго изобрѣтенія человѣчества имъ интересовались всегда и вездѣ и рѣшали по мѣрѣ силъ и знаній. Благодаря тому обстоятельству, что первое появленіе письменности скрыто въ глубинѣ вѣковъ, введеніе алфавита обыкновенно приписывалось какому-нибудь отдѣльному лицу или

нѣсколькимъ, послѣдовательно усовершенствовавшимъ и дополнявшимъ алфавитъ, причемъ эти лица считались *изобрѣтателями* буквъ алфавита. Такъ было у грековъ и римлянъ, такъ было у словянъ и многихъ другихъ народовъ. Только строго научное изученіе эпиграфическихъ и палеографическихъ памятниковъ, начавшееся въ новѣйшее время, начало разсвѣтать мало по малу туманъ, покрывавшій первоначальную исторію письменности каждаго отдѣльнаго народа. Въ числѣ историко-филологическихъ наукъ, посвященныхъ изученію исторической жизни отдѣльныхъ народовъ, видное мѣсто стали занимать выдѣлившіяся въ самостоятельныя филологическія дисциплины эпиграфика и палеографія. Но, занимаясь изученіемъ исторіи письменности отдѣльныхъ народовъ, эти науки иногда не могли восходить дальше древнѣйшихъ памятниковъ этихъ самыхъ народовъ. Восходить дальше къ первоисточникамъ той или другой письменности, указать посредствующія ступени и взаимныя отношенія одной письменности къ другой въ нѣкоторыхъ случаяхъ было или очень трудно или совсѣмъ невозможно. Для этого не доставало матеріала. Только тщательныя обслѣдованія мѣстъ древнихъ культуръ, предпринятія съ спеціальными археологическими цѣлями, археологическія путешествія, раскопки и случайныя открытія послѣднихъ десятилѣтій позволили связать исторію отдѣльныхъ письменностей въ одну общую исторію алфавита и изучать его сравнительно - исторически. Хотя и прежде были попытки составлять подобнаго рода исторіи, но эти попытки или были полны неосновательныхъ, иногда нелѣпыхъ гаданій и предположеній, или были неполны и отрывочны. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ попытка знаменитаго франц. ученаго Фр. Ленормана, предпринявшаго обстоятельную и строго научную исторію алфавита, но остановившагося на первомъ томѣ ⁽¹⁾.

Наученный опытомъ своихъ предшественниковъ, англійскій ученый Исаакъ Тейлоръ, предпринимая трудъ написать цѣльную и законченную исторію алфавита и сознавая трудность подобнаго предпріятія, требующаго весьма разнообразныхъ и многостороннихъ знаній, рѣшился, въ виду огром-

⁽¹⁾ Fr. Lenormant, sur la propagation de l'alphabet phénicien, Paris, 1872, T. I.

ной массы матеріала, остановиться на главнѣйшихъ и важнѣйшихъ памятникахъ той или другой письменности, чтобы имѣть возможность, не загромождая книги описаніемъ множества второстепенныхъ памятниковъ, дать читателю ясное и полное понятіе о важнѣйшихъ. Благодаря этому стремленію къ ограниченію, г. Тэйлору, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ усиленнаго труда, удалось довести свое предпріятіе до конца и представить въ сравнительно съ матеріаломъ небольшой книгѣ цѣльную и законченную исторію одного изъ величайшихъ и по своимъ послѣдствіямъ важнѣйшихъ приобрѣтеній человѣчества, т. е. алфавита. Трудъ этотъ явился въ свѣтъ въ Лондонѣ, 1883 году, въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: *The Alphabet. An account of the Origine and Developpment of Letters.* Снабженная многочисленными таблицами алфавитовъ и снимками съ эпиграфическихъ памятниковъ, книга г. Тэйлора наглядно представляетъ описываемые въ текстѣ алфавиты и памятники и получаетъ еще большую цѣну и значеніе, какъ сборникъ прекрасно исполненныхъ образцовъ всевозможныхъ алфавитовъ. Въ ряду съ другими алфавитами г. Тэйлоръ разсматриваетъ и славянскія азбуки *глаголицу и кириллицу*. Хотя этимъ послѣднимъ авторъ посвящаетъ немного страницъ, но благодаря тому оригинальному взгляду, который имѣетъ авторъ на глаголицу и который онъ еще раньше высказалъ въ V т. *Archiv'a*, издаваемого академикомъ Ягичемъ, эти немногія страницы имѣютъ значеніе, особенно для славянскихъ читателей, тѣмъ болѣе что славяне недавно еще чествовали память славянскихъ первоучителей въ дѣлѣ вѣры христіанской, письменности и образованности. Сущность этого взгляда, основаннаго на томъ выводѣ изъ всей исторіи алфавита, что алфавиты, какъ и языкъ, не выдумываются, не изобрѣтаются, а вырабатываются и развиваются одинъ изъ другаго, заключается въ томъ, что не только кириллица, но и глаголица никѣмъ не выдумана, не изобрѣтена, а представляютъ собою видоизмѣненіе: первая греческаго унціальнаго письма, а вторая греческаго же *курсива*. Хотя мнѣнія о греческомъ первоисточникѣ глаголицы, какъ мы увидимъ, высказывались и раньше, но до г. Тэйлора никто этого взгляда не обосновалъ и не показалъ наглядно, въ таблицахъ, возможность и вѣроятность такого объясненія славянской глаголицы. Въ одно время почти съ г. Тэйлоромъ и во всякомъ случаѣ не-

зависимо отъ него такой же взглядъ высказалъ почтенный изслѣдователь древнихъ памятниковъ о. архимандритъ Амфилохій. Къ этому же воззрѣнію на глаголицу присоединился и акад. Ягичъ. Такимъ образомъ мысль о происхожденіи глаголицы изъ греческаго курсива получаетъ все болѣе и болѣе сторонниковъ и заслуживаетъ полнаго вниманія и всесторонняго обсужденія и разсмотрѣнія. Разборъ этого мнѣнія и его основаній какъ вообще, такъ и въ отношеніи отдѣльныхъ буквъ словянскихъ азбукъ и составляетъ главную задачу настоящаго труда. Но такъ какъ главнымъ основаніемъ этого мнѣнія о происхожденіи глаголицы служило убѣжденіе въ томъ, что алфавиты не изобрѣтаются, не выдумываются, а въ этомъ можно убѣдиться только изъ исторіи алфавита, то мы сочли необходимымъ разборъ и обсужденію мнѣнія г. Тейлора и другихъ о греческомъ происхожденіи глаголицы предпослать краткій обзоръ всей предшествующей исторіи алфавита ⁽¹⁾ и вкратцѣ показать, что алфавиты и другихъ народовъ, которые также считались прежде продуктомъ остроумія и изобрѣтательности отдѣльныхъ личностей, представляютъ въ сущности естественный и постепенный продуктъ цѣлыхъ поколѣній и народовъ. Такой очеркъ предварительной исторіи алфавита мы считали тѣмъ болѣе великимъ, что въ нашей литературѣ сравнительно мало можно найти указаній по этому важному вопросу.

(1) При этомъ особенно относительно алфавитовъ восточныхъ народовъ мы пользовались вышеозначенною книгою г. Тейлора.

Какъ легко и просто пользоваться уже готовымъ, развитымъ и упрощеннымъ алфавитомъ всякому грамотному человѣку, такъ трудны были первыя попытки писать и медленны прогрессивные шаги въ развитіи письменности. Всѣ извѣстныя до сихъ поръ первыя попытки письменности начались съ образнаго, картиннаго письма, идеограммы, которая отъ простыхъ изображеній видимыхъ предметовъ переходитъ въ своемъ развитіи къ изображенію отвлеченныхъ и глагольныхъ понятій и развивается въ фонограмму. Эта послѣдняя въ свою очередь проходитъ нѣсколько ступеней: прежде всего являются фонограммы, обозначающія цѣлыя слова, которыя можно назвать лексиграммами, затѣмъ являются силлабограммы, означающія цѣлые слоги, и наконецъ вырабатываются фонограммы собственно, буквы алфавита, выражающія отдѣльные звуки. На извѣстныхъ ступеняхъ культуры разные народы въ разныхъ частяхъ свѣта и въ разные времена начинаютъ съ образнаго, картиннаго изображенія того, память о чемъ они хотятъ оставить посредствомъ письма. Американскіе индѣйцы точно также изображаютъ свои подвиги, какъ нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ изображали ихъ египтяне, китайцы, аккадо-сумерійцы и другіе народы, дѣлавшіе самостоятельныя попытки писать. Образцомъ такого примитивнаго письма можетъ служить приведенный въ вышеназванной книгѣ г. Тэйлора снимокъ съ очень интереснаго рисунка, изображающаго подвиги Вангемунда, предводителя одного изъ краснокожихъ племенъ, напавшаго на англійскія поселенія въ 1762 и 1763 годахъ. На этомъ рисункѣ изображены посредствомъ наклоненныхъ черточекъ индѣйцы въ походѣ; далѣе слѣдуютъ англійскіе форты и поселенія, на которые были направлены походы; убитые англичане изображены безъ головъ, взятые въ плѣнъ съ головами; продолжительность походовъ изображена десятию горизонтальными чертами, раздѣленными на двѣ группы и помѣщенными подъ изображеніемъ солнца; верхній лѣвый уголъ рисунка занимаетъ изображеніе черепахи для обозначенія медленнаго и спокойнаго возвращенія домой побѣдителей ⁽¹⁾. Въ этомъ рисункѣ, представляющемъ первоначаль-

⁽¹⁾ Къ такому же роду памятниковъ принадлежатъ, по всей вѣроятности, онежскія и многочисленныя сибирскія картинныя изображенія

ный, картинный способ письма, черепаха представляет уже переходъ къ идеографическому символическому письму. Черепаха—идеограмма - символъ, т. е. изображеніе предмета, служащаго для выраженія условной отвлеченной мысли, точно также какъ у тѣхъ же индійцевъ *голь* служить для выраженія понятія „семейный кругъ“, трубка означаетъ *миръ*, *вино*—*дружбу* и т. п.

Вполнѣ развитую и видоизмѣненную временемъ до неузнаваемости систему такого рода условнаго идеографическаго письма представляютъ собою китайскія письменна. При помощи написей и другихъ древнихъ письменныхъ памятниковъ многіе изъ теперешнихъ китайскихъ письменныхъ знаковь, въ настоящемъ своемъ видѣ вовсе не напоминающихъ изображаемые ими предметы, возводятся въ концѣ концовъ къ грубымъ и рудиментальнымъ идеограммамъ, при чемъ отвлеченныя и глагольныя понятія выражаются посредствомъ условныхъ и комбинированныхъ идеограммъ. Такъ, знакъ, означающій *му* дерево, въ древнѣйшемъ своемъ видѣ представляетъ фигуру, изображающую дерево съ вѣтвями и корнями; знакъ для *ма* лошадь возводится къ фигурѣ, изображающей голову, спинной хребетъ, гриву, ноги и хвостъ. Дальнѣйшее развитіе письменности состояло въ употребленіи такихъ же знаковь—идеограммъ въ условномъ, символическомъ значеніи, которое понятно развилось въ теченіи долгаго времени и выработалось въ общеупотребительный знакъ изъ нѣсколькихъ способовъ изображенія одного и того же понятія. Такъ „опасность“ изображалась посредствомъ фигуры, представляющей человѣка на утесѣ. Солнце подъ деревомъ означаетъ „мракъ“, солнце надъ деревомъ или солнце и луна рядомъ означаютъ „свѣтъ“. Двѣ соединенныя руки означаютъ „другъ“, фигура ножа означаетъ „раздѣлять“, фигуры жепщины и ребенка означаютъ „любить“ и т. п. А такъ какъ китайскій языкъ состоитъ изъ односложныхъ

замѣчательныхъ какихъ-нибудь обстоятельствъ охотничьей, кочевой и религиозной жизни древнихъ обитателей этихъ странъ. Г. Гринг. Спасскій, собравшій и издавшій эти изображенія въ своей статьѣ о достопримѣчательнѣйшихъ памятникахъ Сибирскихъ Древностей, приводитъ попытки другихъ и самъ старается объяснить ихъ смыслъ и значенія (стр. 23 и слѣд.).

корней, изъ которыхъ многіе звучать одинаково и различаются по мѣсту и произношенію, то множество идеограммъ обратилось въ фонограммы, т. е., одна фигура стала съ теченіемъ времени употребляться вмѣсто нѣсколькихъ, обозначавшихъ разные предметы, названія которыхъ звучать одинаково. Чтобы устранить явившееся вслѣдствіе этого смѣшеніе предметовъ и понятій, обозначаемыхъ однимъ и тѣмъ же знакомъ, явилась потребность въ опредѣлительныхъ, добавочныхъ фигурахъ, которыя даютъ фонограммѣ опредѣленное значеніе. Такимъ образомъ явилось множество фонограммъ и опредѣлительныхъ знаковъ, комбинаціи которыхъ служатъ для обозначенія состава китайскаго словаря. Такихъ комбинацій надо знать нѣсколько тысячъ, чтобы читать обыкновенную книгу, благодаря чему одно обученіе чтенію и письму занимаетъ годы и десятки лѣтъ и умѣніе читать и писать уже само по себѣ представляетъ весьма сложную, трудную и скучную науку и требуетъ значительнаго времени и труда, которому могутъ отдаваться не многіе, избравшіе грамотность и науку своею спеціальностью и профессією. Постигшіе эту трудную и многосложную загадку усидчивымъ трудомъ многихъ лѣтъ понятно значительно выдѣляются изъ общей массы и составляютъ особое сословіе, подобно тому какъ по тѣмъ же причинамъ умѣнье читать и писать идеографическимъ письмомъ въ Ассиріи и Египтѣ выдѣляло обладающихъ этимъ секретомъ въ особую касту весьма почтенныхъ и не даромъ уважаемыхъ мудрецовъ.

Подобно китайскому и клинообразное вавилопо-ассирійское письмо вышло изъ идеографическаго, и клинообразныя письмена въ своемъ древнѣйшемъ видѣ, въ формѣ архаическаго вавилонскаго или линейнаго вавилонскаго письма, представляютъ въ сущности изображенія, исполненныя не клинами, а линіями и чертами, которыя благодаря матеріалу письма (необожженный кирпичъ), превратились въ клины и гвозди. Такъ идеограмма Невеніи въ первоначальной формѣ представляла не что иное, какъ рыбу, окруженную стѣнами дома, что указываетъ повидимому на происхожденіе Невеніи изъ поселка рыбацкихъ хижинъ. Изъ первоначальныхъ идеограммъ съ переходомъ алфавита къ другимъ народамъ, преимущественно господствовавшимъ въ тѣхъ странахъ, образовались слоговыя фонограммы или силлабаріи и наконецъ алфа-

вить, хотя и не вполне совершенный, а съ остатками силлабизма.

Такія же ступени развитія прошло то идеографическое письмо, изъ котораго вышли наши европейскіе алфавиты, т. е., египетскіе іероглифы, стоящіе во главѣ длиннаго ряда видоизмѣненій, усовершенствованій и упрощеній, позволяющихъ намъ съ такимъ удобствомъ и легкостію пользоваться письменными знаками.

Если китайскія и вавилоно-ассирійскія письма могутъ имѣть претензіи на появленіе на свѣтъ въ своей древнѣйшей идеографической формѣ приблизительно за 3000 лѣтъ до нашей эры, то наши письменные знаки, наши буквы могутъ гордиться несравненно болѣе длинною генеалогіею и по древности своихъ первоначальныхъ предковъ считаются самыми благородными письменами.

Древнѣйшій письменный египетскій памятникъ, хранящійся въ Оксфордѣ, относится къ царствованію Сента, царя второй династіи, жившаго по Бругшу за 4000, а по Мариетту даже за 4700 лѣтъ до нашей эры, но уже въ то время іероглифическое письмо было весьма древнею графическою системою, имѣющею продолжительную исторію предварительнаго развитія. Эта исторія, восходящая до едва вѣроятной древности, началась безсомнѣнія, какъ можно видѣть изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ, съ образнаго, картиннаго письма, идеограммъ, которыя были въ употребленіи и въ позднѣйшее время. Такъ, кружокъ съ точкою въ срединѣ, означающій солнце, есть, очевидно, изображеніе, идеограмма солнца. Когда нужно было выразить отвлеченное или глагольное понятіе, тогда прибѣгали къ комбинаціямъ идеограммъ или простымъ идеограммамъ, которыя сдѣлались символическими идеограммами, совершенно также, какъ это было у китайцевъ: такъ, теленокъ, бѣгущій къ водѣ, означалъ „жажду“, двѣ руки, одна держащая мечъ, а другая щитъ, означала „сраженіе“, поднятый бичъ означаетъ „власть“ и т. п. Ближайшею ступенью въ развитіи письма было образованіе изъ идеограммъ фонограммъ, т. е., обозначеніе одною идеограммою нѣсколькихъ однозвучныхъ словъ, вслѣдствіе чего идеограммы извѣстныхъ предметовъ и понятій превратились въ фонограммы, обозначающія нѣсколько словъ, звучащихъ одинаково съ словомъ, идеограммою котораго они выражаются, причемъ однакожь идеограмма не утрачивала своего перво-

начальнаго значенія. Слѣдующимъ шагомъ на пути къ алфавиту было образованіе изъ фонограммъ по акрологическому способу силлабограммъ или слоговыхъ знаковъ, т. е., употребленіе тѣхъ же самыхъ идеограммъ въ значеніи не только фонограммы, обозначающей цѣлое слово, но и въ значеніи одного только слога, съ котораго начинались всѣ слова, обозначаемаы одною идеограммою ⁽¹⁾. Послѣднимъ шагомъ на пути къ звуковому письму было выдѣленіе изъ слога одного начальнаго звука по тому же акрологическому принципу. И этотъ шагъ былъ сдѣланъ египтянами и притомъ такъ давно, что уже въ древнѣйшей іероглифической написи есть уже знаки, выражающіе отдѣльные звуки, а это обстоятельство необходимо приводитъ къ заключенію, что до этой древнѣйшей написи много, много прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ египтяне начали писать простыми идеограммами. Г. Тэйлоръ, по аналогіи съ другими графическими системами, особенно клинообразною и китайскою, предполагаетъ, что начало графическаго искусства въ долинѣ Нила можно отнести ко времени, отстоящему отъ насъ на семь и даже на восемь тысячъ лѣтъ. Можетъ быть, послѣдняя цифра слишкомъ велика, но для всѣхъ тѣхъ эволюцій, которыя произошли въ письмѣ до древнѣйшей извѣстной намъ написи, необходимо дѣйствительно предположить нѣсколько столѣтій.

Но достигнувши въ глубокой древности весьма не легко дающагося и нѣкоторыми народами вовсе не достигнутаго умѣнья отдѣлять звуки, египтяне не освободились отъ прежнихъ традицій и до временъ Птолемеевъ и Цезаря на ряду съ звуковыми знаками употребляли всѣ другіе способы письма, такъ что ихъ первоначальныя идеограммы употребляются въ одно и тоже время и въ значеніи идеограммъ простыхъ, въ значеніи идеограммъ символическихъ, фонограммъ, силлабограммъ и наконецъ въ значеніи буквъ алфавита. Благодаря

⁽¹⁾ Для поясненія этихъ постепенныхъ значеній, выражавшихся одною и тою же идеограммою, г. Тэйлоръ приводитъ слѣд. примѣръ: изображеніе лотни имѣло символическое значеніе «превосходства», потому въ качествѣ фонограммы означало слово *nefer* добрый, хорошій, наконецъ выражало слогъ *ne*; и во всѣхъ этихъ значеніяхъ идеограмма лотни употребляется и тогда, когда идеограмма уже сдѣлалась слоговымъ знакомъ.

этой рутинѣ и тѣ знаки, которые употреблялись для выраженія отдѣльных звуковъ согласныхъ, какъ видно изъ ихъ сочетаній съ разными гласными, не получили значенія исключительно буквъ, т. е., каждый египетскій знакъ для согласнаго обозначаетъ и свой дополнительный гласный, и гласный пишется особо только тогда, когда нужно выразить не тотъ слогъ, который выражается извѣстнымъ знакомъ для согласнаго вмѣстѣ съ его дополнительнымъ гласнымъ. Другими словами, какъ буквы санскритскаго алфавита означаютъ цѣлый слогъ съ а, если при нихъ не стоитъ какой-нибудь знакъ для другаго гласнаго звука, такъ египетскіе буквенные іероглифы выражаютъ согласный звукъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ гласнымъ, если не поставлено особаго знака для другаго гласнаго.

Такъ какъ знаки эти развились изъ фонограммъ, а фонограммъ и силлабограммъ было много однозвучныхъ, то явилось и нѣсколько знаковъ, которыми можно было выразить одинъ и тотъ же звукъ. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что мало по малу одни знаки, наиболѣе простые и употребительные, стали употребляться исключительно или большею частію для выраженія извѣстныхъ звуковъ, а другіе вышли изъ употребленія, такъ что образовалось сравнительно незначительное количество іероглифическихъ знаковъ, употреблявшихся въ качествѣ буквъ. Такихъ употребительныхъ знаковъ египтологи насчитываютъ до 45; но и въ этомъ числѣ 20 параллельныхъ знаковъ, такъ что только 25 звуковъ выражалось всѣми этими знаками, причемъ нѣкоторые звуки выражались всегда однимъ знакомъ, а другіе двумя и даже тремя знаками. Вмѣсто того, чтобы ограничиться только этими іероглифами, которые стали употребляться для выраженія отдѣльных звуковъ, и перейти такимъ образомъ къ звуковому, алфавитному письму, египтяне продолжали употреблять на ряду съ звуковымъ письмомъ всѣ прежніе способы письма и даже одно и тоже слово изображали разными способами, что еще болѣе запутывало и затрудняло писаніе и чтеніе написаннаго такими разнообразными способами. Связанные преданіемъ священной старины, египтяне не рѣшились или не сумѣли сдѣлать того важнаго шага, который вывелъ бы ихъ графическую систему изъ лабиринта многочисленныхъ и разнозначащихъ іероглифовъ и привелъ бы къ звуковому, буквенному письму. Этотъ важный и рѣ-

шительный шагъ суждено было сдѣлать другому народу, не связанному египетскими преданіями и рутинною, и такимъ образомъ сдѣлаться виновникомъ одного изъ величайшихъ и плодотворнѣйшихъ открытій—алфавита. Этотъ народъ были Семиты.

Древніе греческіе и латинскіе писатели совершенно справедливо называютъ семитовъ финикійцевъ изобрѣтателями того алфавита, которымъ писали греки и римляне; но нѣкоторые изъ нихъ въ тоже время прибавляютъ, что сами финикійцы въ свою очередь заимствовали искусство письма у египтянъ. Что касается до заимствованія греками алфавита отъ финикійцевъ, то это свидѣтельство древнихъ писателей какъ нельзя болѣе очевидно подтверждается одинаковою формою, числомъ, названіемъ, значеніемъ и порядкомъ буквъ древняго греческаго алфавита съ буквами финикійскаго. Далеко не такъ ясно и убѣдительно доказывается извѣстными намъ эпиграфическими памятниками справедливость извѣстій о заимствованіи финикійцами своего алфавита отъ египтянъ. Буквенное значеніе египетскихъ іероглифовъ, какъ мы видѣли, далеко не такъ опредѣленно, какъ финикійскихъ буквъ. Число, названія, порядокъ у египтянъ не тѣ, что у финикійцевъ, наконецъ форма египетскихъ іероглифовъ и финикійскихъ буквъ очень мало напоминаетъ форму финикійскихъ буквъ. Египетскіе буквенные іероглифы—тѣже идеограммы, изображенія различныхъ предметовъ, какими они были искони, между тѣмъ какъ финикійскія буквы или вовсе не представляютъ сходства съ египетскими изображеніями или представляютъ сходство очень отдаленное. — Всѣ эти обстоятельства, открывшіяся при сравненіи египетскихъ и финикійскихъ эпиграфическихъ памятниковъ, заставили многихъ первоклассныхъ ученыхъ нашего вѣка сомнѣваться въ справедливости извѣстій древнихъ писателей относительно заимствованія финикійцами своего алфавита отъ египтянъ. Такъ *Gesenius* въ своемъ классическомъ трудѣ: *Scripturae Linguaeque Phoeniciae Monumenta*, Lipsiae, 1837, старается доказать, что финикійцы самостоятельно выработали свой алфавитъ изъ самобытнаго, семитскаго же образнаго письма, слѣды котораго онъ находитъ въ фигурахъ и названіяхъ буквъ семитскаго алфавита: *A aleph* = быкъ, напр., представляетъ или представляло прежде голову быка, *A daleth* = дверь есть въ сущности изображеніе двери и т. д. Подобное

мнѣніе высказывали и другіе не менѣе знаменитые семитологи, считавшіе семитскій алфавитъ и самихъ семитовъ первичнымъ источникомъ европейскихъ алфавитовъ, дальше котораго въ исторіи алфавита идти нельзя, такъ что авторитетъ древнихъ писателей въ этомъ вопросѣ былъ подорванъ и справедливость ихъ извѣстій отрицалась до самаго послѣдняго времени, когда изслѣдованія и открытіе франц. ученаго Emanuel'a de Rougé ⁽¹⁾ снова заставили ученый міръ убѣдиться въ справедливости древнихъ извѣстій о заимствованіи финикійцами своего алфавита у египтянъ. Исходною точкою открытія французскаго египтолога было совершенно справедливое и основательное убѣжденіе, что прототиповъ семитскаго алфавита нужно искать не въ идеографическихъ іероглифахъ, а въ *курсивномъ письмѣ*, развившемся изъ іероглифовъ для свѣтскихъ и обыденныхъ цѣлей. Изъ двухъ типовъ курсивнаго письма *іератическаго* и *димотическаго* послѣднее не могло служить источникомъ семитскаго алфавита, потому что оно появилось около времени 22 династіи, когда семитскій алфавитъ былъ уже въ употребленіи. Остается слѣд. іератическое письмо, изъ котораго образовалось само димотическое. Но іератическое письмо новой имперіи, изъ котораго развивлось димотическое, также не представляетъ достаточнаго сходства съ семитскими буквами, и кромѣ того принадлежитъ эпохѣ слишкомъ поздней для того, чтобы служить прототипомъ финикійскаго алфавита. Потому французскій ученый обратился къ древнимъ формамъ іератическаго письма, возникшимъ во времена старой имперіи и бывшимъ въ употребленіи во времена завоеванія семитами Нижняго Египта, извѣстнаго подъ именемъ нашествія и господства Гиксовъ; такъ какъ къ этому именно періоду господства семитовъ въ Нижнемъ Египтѣ г. де Руже и относитъ заимствованіе семитами у египтянъ письменныхъ зна-
ковъ.

(¹) Свое изслѣдованіе г. de Rougé читалъ въ Académie des Inscriptions, въ Comptes Rendus которой появился краткій отчетъ объ этомъ изслѣдованіи, но самый оригиналъ не былъ напечатанъ и потомъ затерялся, такъ что уже послѣ смерти Emanuel'a de Rougé его сынъ Jacques de Rougé издалъ по черновой оригиналу съ поправками и добавленіями изслѣдованіе отца подъ заглавіемъ: *Mémoire sur l'origine Egyptienne de l'alphabet Phénicien*. Paris, 1874.

Чтобы доказать свое положеніе, г. de Rougé беретъ древнѣйшія формы семитскаго алфавита и сравниваетъ ихъ съ тѣми египетскими іератическими знаками, которые до изгнанія Гиксовъ употреблялись въ качествѣ буквъ алфавита, и опредѣляетъ возможно точнѣе фонетическое значеніе какъ семитскихъ, такъ и египетскихъ письменныхъ знаковъ, для каковой цѣли ему служатъ собственныя семитскія имена, встрѣчающіяся въ египетскихъ письменныхъ памятникахъ. Этимъ путемъ г. de Rougé установилъ на твердыхъ основаніяхъ соотвѣтствіе семитскихъ знаковъ египетскимъ іератическимъ и доказалъ, что каждый семитскій знакъ можетъ быть легко возведенъ къ своему египетскому прототипу. Самый лучший матеріалъ для сравненія даютъ древнѣйшіе памятники семитскаго письма, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ надпись Мешы, царя Моавскаго, такъ называемый Моавскій камень, относящійся къ концу X или началу IX в. до Р. X. Но этотъ камень былъ открытъ только въ 1868 году и въ 1859 г., когда de Rougé доказывалъ предъ Академіею Написей свою гипотезу, не былъ извѣстенъ; потому франц. ученый долженъ былъ довольствоваться нѣсколько болѣе поздними памятниками, какъ, напр., надпись на саркофагѣ Сидонскаго царя Эшмуназара. Тѣмъ болѣе чести приносить г. de Rougé его открытіе! Онъ на основаніи болѣе позднихъ памятниковъ сдѣлалъ открытіе, которое еще болѣе подтверждается и нагляднѣе доказывается открытыми послѣ древнѣйшими памятниками.

Памятники древняго іератическаго письма также многочисленны, какъ и древнѣйшіе семитскіе. Возможность доказать происхожденіе семитскаго алфавита отъ египетскихъ іератическихъ знаковъ даютъ только три манускрипта, изъ которыхъ одинъ находится въ Берлинскомъ Музее и заключается въ себѣ картуши царей изъ 12 династій, предшествовавшей вторженію Гиксовъ; другой содержитъ имена Хефу и другихъ царей древнихъ династій Мемфиса, третій и самый важный находится въ Парижской національной библіотекѣ и называется по имени его жертвователя папирусомъ Присса. Этотъ знаменитый манускриптъ, опубликованный Приссомъ въ 1847 г., состоитъ изъ 18 стр., изъ которыхъ двѣ представляютъ конецъ одного сочиненія, а остальные 16 содержатъ другое цѣльное сочиненіе или точнѣе копію съ сочиненія принца *Ptah-Hotep'a*, жившаго во времена Ассы, царя па-